
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Икер Барберо

ОРИЕНТАЛИЗАЦИЯ МИГРАНТОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В публичных дискурсах иммиграция все чаще понимается как угроза так называемым «западным ценностям», особенно, когда речь заходит об иммигрантах из мусульманских стран. Эти дискурсы можно обозначить как неоориенталистские, поскольку они рассматривают иммигрантов как необразованных «других» – дикарей. Данная статья проясняет, каким образом под влиянием логики ориентализма гражданство превратилось в набор директив, дискурсов, практик и политических программ для управления миграционными потоками. Именно так неолиберальная глобализация создает режимы свободного перемещения граждан ЕС и «европеизированных» иностранцев, в то же время ограничивая иных субъектов через технологии гражданства и пограничный контроль. Эти иные априори рассматриваются в качестве посторонних ввиду их предполагаемой потенциальной угрозы или неспособности к интеграции. Цель данной статьи состоит в обосновании необходимости отказаться от вышеописанных тенденций, поскольку базисом гражданской политики не может являться идеология ориентализма.

Ключевые слова: гражданство, границы, миграция, ориентализм, Евросоюз

Икер Барберо – PhD, преподаватель, Кафедра административного права, конституционного права и философии права, Университет Страны басков, кампус Лейоа, Испания; исследователь, Открытый университет, Милтон-Кинс, Великобритания. Электронная почта: iker.barbero@ehu.es

Маленькие островки Евросоюза, города Сеута и Мелилья находятся на территории Северной Африки. Эти символы «великого» колониального прошлого с момента вхождения Испании в Европейское экономическое сообщество в 1986 г. вместе с прибрежной линией Гибралтарского пролива представляют собой южную наземную границу Европы. В ночь на 23 июня 2005 г. более двухсот человек пытались проникнуть на территорию одного из этих городов, преодолев при помощи самодельных лестниц два пояса трехметрового ограждения, отделяющего Марокко от Мелильи. Среди них были не только жители африканских государств, но и выходцы из Южной Азии. Многие месяцы они провели в спонтанно организованных лагерях, разбитых в приграничных горах. При попытке попасть на территорию Испании часть мигрантов были схвачены солдатами, находившимися на маневрах. В результате восемь мигрантов ранены резиновыми пулями, многие пострадали от колючей проволоки, которой обтянуты ограждения. Согласно отчету, опубликованному организацией *SOC Расисмо* в 2007 г. (*SOS Racismo 2007*), большинство мигрантов переданы марокканским властям без каких-либо юридических процедур депортации, а примерно тридцати все же удалось проникнуть в Мелилью. Через месяц были предприняты новые попытки пересечь границу: «вторжение», «лавина», «массированный удар» – отреагировали СМИ, подогревая алармистские настроения. Правительство Испании поспешило отправить более пятисот военных подразделений для охраны приграничного периметра.

Эти события имеют свою предысторию. Одним из основных условий вступления Испании в ЕС было введение в 1985 г. иммиграционного закона, прямым следствием которого стала делегализация людей, постоянно находящихся на территории Испании без вида на жительство. Тысячи выходцев из Марокко, десятилетиями проживающие в своих традиционных поселениях в Сеуте и Мелилье, оказались под угрозой ареста и депортации. Возникшая напряженность стала причиной активизации деятельности местных гражданских организаций, чья работа в 1985 и 1986 гг. была направлена на обеспечение правового признания мусульманской общины. В результате более шести тысяч жителей этих городов получили испанское гражданство (López 1993).

В 1995 г. после отмены пограничного контроля между Испанией и другими европейскими странами в рамках Шенгенского договора, те, кто проживал на приграничной марокканской территории, приобрели особый статус, освобождающий от визового режима на 24 часа. Мигранты окончательно потеряли возможность попасть на «большую землю»: формально они находятся на европейской территории, хотя и с особым визовым режимом, в то же время порядок обращения за получением статуса беженца или правила депортации с этих территорий не установлены. Подобная правовая неопределенность привела к тому, что тысячи

людей вынужденно оставались в центрах временного содержания для иностранцев в Сеуте и Мелилье. Те, кто не получил решения о депортации, наделялись статусом «невыводяемых». Люди оказались в правовом вакууме: их не могут депортировать, но и документы о законном нахождении в ЕС не дают, не говоря уже о легальной работе.

В 1999 г. между Марокко и Испанией был установлен трехметровый забор из гальванизированной стали, укрепленный колючей проволокой. Общая стоимость ограждения составила 3,4 млн евро. Граница имела башни наблюдения, видеокамеры, микрофоны, сенсоры движения и прожекторы. Около 50 млн евро было затрачено в рамках программы по «европеизации» границ. После инцидента 2005 г. европейское агентство *Фронтекс*¹ вкладывает еще 20 млн евро, чтобы усовершенствовать ограждение: теперь оно установлено под углом в 10 градусов в сторону Марокко, чтобы предотвратить попытки взобраться на него. Кроме того, построен второй ряд ограждения, а между двумя стенами установлены прожекторы, водометы и сеть стальных кабелей.

Пространства, описанные выше, физически воплощают контекст, в котором границы и институциональные дискурсы конструируют категории отчуждения. Сеута и Мелилья, Лампедуза и Мальта стали своеобразными лабораториями неолиберальных режимов селективного контроля миграции, отделяющей Европу от не-Европы. Как сконструирован Евросоюз? Кто имеет привилегии, право или власть определять себя как европейских граждан, а других – как иностранцев, посторонних или чужаков? Для ответов на эти вопросы необходимо принять во внимание разнообразные, но взаимосвязанные аспекты, пересекающиеся в идее ориентализации режимов гражданства, привязанных к национальным границам и процессам иммиграции. Это, прежде всего, означает, что на наших глазах происходит конструирование социального, политического и юридического другого как «нелегала», «дикаря», «террориста» или в более широком смысле «анти-гражданина», если воспользоваться терминологией Сартори. Для развития данного тезиса я сфокусирую внимание на механизмах, с помощью которых правительственные стратегии и технологии конструируют, контролируют и регулируют людей как субъектов иммиграционного режима, основывающегося на эффектах инновационной политики, приватизации и экстернализации². Необходимо за-

¹ Frontex (франц. «Frontières extérieures») – акроним названия Европейского агентства по управлению оперативной кооперацией на внешних границах стран-членов ЕС – *Прим. ред.*

² В данном тексте рассматриваются феномены, свойственные и российской миграционной политике: «инновации» (чаще технологические нововведения по контролю и учету количества пересечения границ); «приватизация» (присвоение дискурсивных категорий, например, некоего набора ценностей); «экстернализация» (стремление расширять политическое влияние на суверенные территории других государств для достижения определенных целей, например, контролировать оттоки мигрантов из стран, считающихся основными источниками миграционных потоков) – *Прим. ред.*

метить, что политика ЕС все чаще включает в себя дискурсы о «западных» или «европейских» ценностях (таких как демократия, права человека, верховенство права, свобода). Результатом, на мой взгляд, является то, что категории «гражданин», «иностранец», «иммигрант» используются для легитимации единственно верной трактовки понятия «настоящий европеец».

Европейский союз: приграничный проект

Границы и безопасность сыграли решающую роль в развитии европейского проекта (Huysmans 2006). Со времен Римского договора (1957) европейские рубежи и иммиграционные режимы находились в постоянной эволюции. Важными этапами этого процесса следует назвать начало работы *ТРЕВИИ-группы* в 1976 г. (группа по защите от международного терроризма, радикализма, экстремизма и насилия в ЕС); создание специальной Комиссии по иммиграции в 1986 г., призванной следить за обновлением системы безопасности на внешних границах и координировать визовую политику; Конвенции о введении в действие и применении Шенгенского соглашения в 1990 г., в рамках которой был упразднен контроль внутренних границ странами-членами и введен общий контроль внешних границ. Однако актуальная версия европейского пограничного режима представляет собой гораздо более сложную структуру – сочетание того, что обычно понимается как традиционная система пограничного контроля, с «паноптическими технологиями профилактики, позволяющими осуществлять удаленный контроль через профессиональные сети агентств безопасности» (Vigo 2004). Для управления различными категориями «других» развитые страны установили ряд селективных административных механизмов, институциональных и личностных, встречающихся в разных точках на пути мигранта и призванных идентифицировать, локализовать и отобрать только нужные кадры. Классические границы сменились «пограничными зонами», где оспаривается мобильность людей, и где одновременно сама мобильность оспаривает границы, возможности контроля и даже государственный суверенитет (Nyers and Rygiel 2012).

Европейское агентство по охране внешних границ ЕС (*Фронтекс*) и недавно детище пограничного режима *Система слежения за европейскими внешними границами (ЕВРОСУП)* – это основные инструменты контроля общей границы наднациональной европейской территории. В их задачи входит: помощь в осуществлении оперативных мероприятий по содержанию внешних границ ЕС; анализ рисков, позволяющий принимать меры для предотвращения угроз; проведение тренировочных курсов для национальных инструкторов пограничных служб; отслеживание релевантных научных исследований и распространение информации о них среди членов Еврокомиссии и национальных правительств. Вышеуказанные задачи предполагают необходимость охраны ЕС и его граждан от вероятной внешней, а, возможно, и внутренней угрозы. Но каким образом выполняются эти задачи? Опи-

сываемые процессы связаны с разнообразными эффектами технологического управленитета¹, которые способны прогнозировать, просчитывать и предотвращать риск массовой миграции. Такая стратегия представляет собой удачный пример связи экономической логики и новой модели расчетливости социального контроля, о которой пишет Де Джорджи в книге «Ноль толерантности» (De Giorgi 2005). В данном случае именно применение актуарного языка, основанного на вероятностях и статистике, конструирует категории «групп риска». Для этой цели ЕС разрабатывает инструменты контроля, встречающиеся на всем миграционном пути и определяющие, когда, как и кому позволено въехать на его территорию.

Граница смещается к начальному этапу миграционного процесса, что ведет к вторжению европейских миграционных программ в политику и суверенитет стран исхода. Такая ситуация получила название «экстернализация границ». Целью данной политики является создание расширяющегося безопасного периметра для предотвращения возможностей несанкционированной миграции, и одновременно, достижение стратегических, геополитических и экономических интересов ЕС. Требования по согласованию политики в вопросах миграции и политического убежища представляются в рамках соглашений и деклараций, связанных с оказанием экономической помощи другим странам. Например, в 1998 г. в «Стратегическом докладе по вопросам миграции и предоставления убежища» Европейский совет установил, что интегрированный подход «должен связывать финансовую помощь с вопросами выдачи виз, ослабление пограничного контроля – с гарантированной реадмиссией, воздушное сообщение – со стандартами пограничного контроля, доступность экономического сотрудничества – с эффективными мерами по уменьшению факторов притяжения» (Strategy Paper 1998: 112).

Первым этапом в определении потенциального мигранта является выдача или отказ в выдаче визы в посольствах и консульствах (Bigo, Guild 2005). Недавно принятый Регламент ЕС № 810/2009 установил *Визовый кодекс сообщества*, который стандартизирует критерии визовой политики. Учитывая наличие *Информационной визовой системы* и сети обмена информацией среди сотрудников миграционных отделов, агентства по охране границ ЕС получают достаточно сведений для предсказания миграционных тенденций и возможных случаев нарушения пограничного режима. Наряду с другими базами данных *Шенгенская информационная система (СИС I и II)*, *ЕВРОДАК²* и *Центральный архив доступного технического*

¹ В оригинале «technological governmentality» – авторский термин, предлагающий понимать концепцию М. Фуко в контексте широкого разнообразия электронных технологий контроля и регулирования – *Прим. ред.*

² EURODAC – акроним для «European Dactyloscopy», базы данных отпечатков пальцев – *Прим. ред.*

оборудования (КРЭЙТ)¹ являются частью набора инструментов, которые используются Фронтекс для категоризации мигрантов, влияющих на принятие решений об их судьбах. Эти системы контроля аккумулируют решения о выдаче визы или отказе, распоряжения о депортации и объявления в розыск. Получаемая информация доступна не только Фронтекс, но и другим бюрократическим структурам: Европолу, Международной организации по миграции, Центру сбора и обмена информацией по вопросам пересечения границ и иммиграции, Международному центру по развитию миграционной политики.

Собранные данные поступают в исследовательские институты, подобные Центру оценки рисков, которые, среди прочего, занимаются производством знания о миграционных процессах. Они предлагают необходимые меры по защите внешних границ, основываясь на данных статистики и методологии расчета убытков и прибыли (такой как «Общая интегрированная модель анализа рисков»). Как указано в отчете СИВИПОЛ², «методология анализа рисков позволяет установить объективную связь между миграционными потоками в Европу и акторами, участвующими в проникновении на территорию, включая транснациональные криминальные организации» (CIVIPOL 2003: 45). Иными словами, все эти агентства представляют собой то, что Девис называет «паноптическим разумом» пограничного контроля (Davis 2008). Как только все мигранты разбиты по категориям, запускаются правительственные программы и технологии, призванные найти, отобрать или задержать их, где бы они ни находились.

Во многих случаях предоставление ресурсов и информации о миграции странам исхода и транзита преследует определенную цель: остановить мигрантов и беженцев в этих странах прежде, чем они пересекут границу ЕС. Однако, что происходит, когда эти механизмы терпят неудачу? Иммиграционный режим ЕС никогда не отказывался от идеи регулирования «других» на своей территории (Faure 2008). В этом смысле, следуя методологии Балибара по поиску границ в контролируемых пространствах (Balibar 2002), необходимо обратить внимание на новые внутренние границы, которые устанавливаются полицией. Их основания базируются на расовом различии, а физическое воплощение этих границ обнаруживается в людных местах и стигматизированных пригородах. В конце 2010 г. на общеевропейском уровне была проведена полицейская операция *Гермес*, целью которой была синхронизация действий пограничного контроля стран-членов для обнаружения «нелегалов» в стратегических транспортных узлах. В ходе операции были инспектированы автобусные и железнодорожные вокзалы, рынки и мечети. Результаты работы были опубликованы Европейским советом в Финальном отчете

¹ Аббревиатура для «Central Record of Available Technical Equipment (CRATE)» – Прим. ред.

² CIVIPOL – сообщество экспертов, образованное МВД Франции – Прим. ред.

17816/10 от 13.12.2010 г., согласно которому 1900 человек назвали себя мигрантами с неурегулированным статусом.

В большинстве случаев люди, пойманные полицией без надлежащих документов, помещаются в центры временного содержания для иностранцев. Согласно составленной *МИГРЕВРОП*¹ карте, в 2007 г. на территории ЕС и сопредельных государств находилось более двухсот иммигрантских лагерей. Большинство иммигрантов депортируются. Основным регулятором данного процесса считается Директива Европарламента и Совета 2008/115/ЕС от 16.12.2008 г. В некоторых случаях она устранила недочеты национальных правовых актов, а в большинстве – обеспечила ужесточение миграционных режимов через продление ареста, предоставление возможности депортации детей, а также увеличение срока запрета на возвращение в Европу.

Одним словом, европейский пограничный режим стремится к созданию селективного контроля миграции. Подобная миграционная политика требует существенных экономических инвестиций, а ее результатом становится значительное количество людских потерь. Каким образом происходит легитимация подобной политики отчуждения? Как совмещаются универсальные ценности свободы и справедливости с алармистскими дискурсами безопасности?

Ориентализация иммиграции

Политика выдворения, строительство центров временного содержания для иностранцев, проверка документов, а также оснащение приграничных зон современным оборудованием слежения – все это соответствует тому, что Де Дженова и Пейтц назвали «депортационным режимом миграции» (De Genova, Peutz 2010). Этот режим имеет как экономические, так и общественно-политические издержки, нуждающиеся в обосновании. В последнее время в академических и политических кругах наблюдается распространение дискурсов, легитимирующих систематическое применение крайних мер в управлении группами, определяемыми как несущие угрозу для «универсальных», «демократических», «западных» ценностей.

Следует начать с определения таких дискурсов в контексте современного ориентализма. Согласно идеям Саида (Said 1978), ориентализм был и до сих пор остается сложносоставной дискурсивной практикой, посредством которой Запад воспроизводит Восток, как нечто отсталое, примитивное и второразрядное, оправдывая, таким образом, свою «просветительскую миссию». Эти идеи преимущественно ссылаются на несовместимость определенных идентичностей вследствие суще-

¹ Акроним для «Европейской программы по интеграции и миграции» (Migreurop) – *Прим. ред.*

ствования конкретных групп, считающихся неспособными интегрироваться. Их не-интегрируемость трактуется как результат их культурной отсталости. Соответственно, необходимость выделять надежных и истинных граждан среди приезжающих оправдывает управление миграционными процессами.

«Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона (Huntington 1998) является, вероятно, одной из наиболее широко обсуждаемых работ, касающихся угрозы таким либеральным ценностям как демократия, личные права, гражданство и даже социальное государство со стороны необразованных, диких или фундаменталистских цивилизаций. Сходную риторику использует ряд других работ, таких как: «Ярость и гордость» О. Фаллачи (Fallacci 2002); «Идентичность, Иммиграция и либеральная демократия» Ф. Фукуямы (Fukuyama 2006); «Германия: самоликвидация» Т. Саррацина (Sarrazin 2010). Я предлагаю сконцентрироваться на работах популярного среди европейских политиков мыслителя Дж. Сартори (Sartori 2000), предложившего наиболее полную картину того понятия, которое обозначается здесь как современный ориентализм.

В начале 2000-х гг. Сартори опубликовал книгу «Плюрализм, мультикультурализм и "чужие": эссе о мультиэтническом обществе» (Sartori 2000). Аргументация Сартори построена преимущественно на защите плюралистической либеральной модели политики, критике мультикультурализма и дифференцированного гражданства. Следуя его логике, предоставление особых прав за принадлежность к группе, характерное для мультикультуралистской политики, ведет к неравной сегментации или, в его терминологии, к балканизации и «этническому порабощению». Сартори в особенности фокусируется на приписывании коллективных прав иностранным иммигрантам из исламских стран. Автор развивает идею вторжения иностранцев, отмечая, что «неконтролируемые миграционные потоки подобны голодающим армиям, осаждающим Европу» (Sartori 2003: 111). Гибкая приграничная политика и щедрая раздача статуса беженцев провоцируют демографическую, экономическую и социальную угрозу, поскольку единственно возможной формой иммиграции является та, которая соответствует условиям экономической системы. Нежелательные мигранты представляются «вовлеченными в незаконную деятельность» и должны расцениваться виновными как минимум «в одном или в нескольких преступлениях» (Sartori 2003: 191).

Одним из его наиболее критикуемых тезисов является понятие «неинтегрируемости» мусульманских групп. Сартори описывает «мусульманина» как «человека, наиболее далекого от любых других индивидов и от культуры и системы западных ценностей и взглядов» (Sartori 2001: 37), рассматривая современный ислам как гомогенный и тоталитарный набор религиозных идей, распространяющих влияние на политику, право и общество с целью разрушить западные ценности:

Проблема изоляции и маргинализации иммигрантов-мусульман стоит особенно остро. Даже их культурный уровень оказывается обычно ниже, чем у индийцев и азиатов в целом. Это означает, что вне своей веры и религиозной идентичности у них нет культурной защищенности. Но покровительствующая религия приходит им на помощь (Sartori 2003: 155).

Согласно теории не-интегрируемости, любые программы интеграции, основанные на поощрении и прогрессивном уравнивании в правах иностранцев и граждан, заранее обречены на провал, так как не-интегрируемые субъекты, напротив, извлекают преимущества из своего положения, названного Сартори статусом «анти-гражданина». Подобная аргументация оправдывает жесткие стратегии контроля миграционных процессов. Идеи Сартори ложатся в основу политических программ не только маргинальных ультраправых партий, собирающих в последнее время хороший электоральный урожай, но и находят отклик в сердцах политической элиты большинства европейских государств. Как показывают Лентин и Титли (Lentin, Titley 2011), одновременное производство академических и институциональных дискурсов о смерти мультикультурализма и распространение политических инициатив, связывающих миграцию и безопасность, совершенно неслучайно. Их взаимодополняющая работа обеспечивает легитимацию правовой рациональности, на которой основаны стратегии управления определенными группами населения через национальные и общеевропейские программы по регулированию миграции.

Ориентализация гражданства

Причинами ориенталистских режимов иммиграции стали попытки построения общеевропейского гражданства, основанного на открытой пост-национальной модели (Soysal 1994). Однако результат этой работы оказался спорным. Несмотря на провозглашенный наднациональный характер ЕС, мы оказываемся свидетелями воспроизводства классического национального гражданства в границах Европы. С другой стороны, ЕС производит политико-правовой режим, основанный на «стратификации граждан» (Morris 2002) или даже на том, что некоторые исследователи называют «постколониализмом» (Rigo 2005). Балибар является ключевым автором в формулировке идеи «внутреннего постколониализма» в Европе. Определение людей, отличных от граждан ЕС, то есть «других», является необходимым условием для существования европейской идентичности, и, следовательно, Европа стремится к «реколонизации иммиграции» (Balibar 2001). С этим процессом связаны возрождение формализованной миграции колониальной эпохи; желание управлять мобильностью людей (европейские институты возрождают колониальные методы управления и устанавливают административные районы в метрополиях, обо-

значая пространства для «окультуривания» и вестернизации); неминуемое возвращение колониальной административной схемы «гражданин – подданный», то есть старой иерархической модели этнической классификации, изобретенной колониализмом для создания режима доминирования (Balibar 2001).

Европейская многоуровневая правовая система привела к дифференциации граждан и различных категорий подданных, напоминающей старую колониальную модель. В этом смысле современное конструирование политических, социальных и особенно правовых категорий субъектов и тот способ, посредством которого осуществляется распределение прав, привилегий, обязанностей или санкций, может быть обозначен как «логика отчуждения» (Isin 2002). В данном случае речь идет о политико-правовых отношениях, посредством которых доминирующие группы артикулируют свою идентичность как граждане, номинируя кого-то в качестве «другого» (рабов, женщин, иммигрантов), поскольку они не отвечают базовым требованиям, определяющим культурные границы гражданства. Иными словами, не ограничиваясь взглядом на гражданство как на исключительно правовой статус или на аполитичную и социальную привилегию, «граждане также изобрели различные категории, классификации и идентичности для управления самими собой и другими» (Isin 2002: 4).

Для формулировки идентичности европейского гражданина, Евросоюз предложил ряд категорий инаковости, основанных на стратегиях и дискурсах ориентализма. Если в минувшие исторические периоды технологии отчуждения базировались на семейных и кровных связях, социальных слоях и классах, то сегодня национально-культурное происхождение становится тем основанием, на котором укрепляется ориентализм. Указав на это, я хочу кратко очертить основные категории, сконструированные в процессе построения европейского гражданства стратегиями отчуждения.

Иностранцы или «хорошие иммигранты», несмотря на принадлежность к другим нациям, пользуются привилегированным положением: их статус признан международными соглашениями; они пользуются специальными каналами для въезда на территорию ЕС; успешно проходят тест на гражданство; симпатизируют «европейским культурным ценностям». Эта симпатия дает право на полный пакет привилегий, что означает, в терминах Айсина, солидарность, основанную на стратегиях принадлежности, признания, дружбы, экзотизации и вестернизации (Isin 2002). В данном контексте уместно обратиться и к статусам иностранцев-граждан ЕС (например, пенсионеров Центральной и Северной Европы, проводящих много времени в теплых странах Средиземноморья), которые могут пользоваться всеми правами в любой из стран союза.

Другая категория – так называемые «граждане третьих стран с постоянным видом на жительство», также известные как «обитатели»

(Hammar 1991), которые, хотя и не признаются в качестве полноправных граждан, все же пользуются большинством гражданских прав: свободным доступом на рынок труда и к системе соцобеспечения; ограниченными правами по политическому участию; гарантиями по защите от депортации. Одним из нововведений является категория «малоопасных путешественников» – людей, отвечающих ряду критериев вроде подходящей страны происхождения и чистой истории записей нарушений, зарегистрированных в официальных базах данных. Это дает им право на вступление в клуб «добропорядочных граждан».

Несмотря на зависимость миграционных процессов от мощной глобальной экономики, большинство мигрантов оказываются в ситуации прекариата¹, так как легитимность их пребывания и признание прав зависит от слабых юридических институтов, например, от трудовых контрактов или эфемерного гуманитарного права. В любой момент эти тонкие связи могут оборваться по причине экономического кризиса или общественного скандала, а соответствующие группы населения могут быть признаны ненужными или лишними. Вероятно, лучшим примером тому могут служить беженцы (Morice 2004), чье положение в годы кризиса оказалось шатким вследствие политики «затягивания поясов»; сюда же можно отнести группы румынских и венгерских цыган, внезапно депортированных из Франции и Италии (Parker 2012).

В наиболее угнетенном положении оказываются мигранты, живущие в неурегулированных административных и правовых обстоятельствах. Категория «неурегулированных» (отсутствие административного разрешения на пребывание ошибочно связывается с криминальной «нелегальностью») вкупе с отсутствием «права на права» (Arendt 1951) и, как следствие, трудовой эксплуатацией, становится причиной стигматизирующей криминализации. Так осуществляется «исключительно криминально-репрессивная борьба с социальной проблемой» (Palidda 2011), включающая ассоциирование неурегулированных мигрантов с такими серьезными преступлениями как терроризм. Правительственные стратегии относительно людей в неурегулированном положении подпадают под концепцию «формальной легальности» (Ferrajoli 1995), то есть режима, при котором выполнение правовых процедур не требует соблюдения таких фундаментальных принципов, как право на судебную защиту, презумпция невиновности или право на защиту в ходе временного задержания, заключения или депортации.

Наконец, группы, находящиеся за территорией ЕС и расцениваемые как потенциальная угроза, исторически называются «варварами» (Isin 2002; Todorov 2010). Говорят, что такие люди происходят из так называе-

¹ Здесь: нестабильное положение на рынке труда, слабый правовой статус, высокая зависимость от воли более властных субъектов – *Прим. ред.*

мых «государств-изгоев» – стран, которые, согласно Хантингтону, модернизируются без вестернизации. Как было показано выше, мусульмане для современной Европы наиболее актуальные кандидаты на пост «варваров». Если раньше они считались абсолютным врагом, с которым отношения вне войны не поддерживались, то сегодня они расцениваются как эпицентр дикости и фундаментализма, необходимый для формирования западной гражданской субъективности. Более того, оказываясь в ситуации переплетающихся потоков миграции, мы становимся свидетелями смещения регионов с радикальной идеологией, что в результате приводит к признанию существования «варваров» внутри западных стран. Сообщества мигрантов из мусульманских стран Африки и Азии расцениваются в отчетах различных агентств по безопасности в качестве плодотворной почвы для фундаментализма и, следовательно, терроризма (Bonelli et al. 2009).

Человек по ряду причин (социальная напряженность, изменения в законе, экономический кризис) может переходить из категории в категорию и функционировать в качестве «удобного врага», своего рода козла отпущения, «символа всех социальных проблем и ответчика за их существование» (Wacquant 1999: 203). Более того, неурегулированность и различие (вероисповедание, цвет кожи, акцент) становятся элементами, которые произвольно могут влиять на все указанные категории, принимающие то образ торговца из Бангладеш в Барселоне, то – афганской женщины, подающей документы на получение убежища в Лондоне, то – уроженцев Конго, ожидающих в Сеуте и Мелилье возможности попасть в ЕС.

Ориентализм стал основой дисциплинарных стратегий, легитимирующих осуществление иммиграционных режимов таким образом, что определенные группы людей категоризируются и управляются через их воображаемую несовместимость с приватизированными европейскими политиками ценностями демократии, верховенства права, свободы и безопасности. Такое формирование иммиграционных режимов предполагает отрицание ценностей демократии, верховенства права и свободы со стороны самих бюрократических институтов, их «защищающих», поскольку оно влечет нарушение не только миграционного законодательства, но и фундаментальных прав человека.

В настоящее время назрела необходимость дискуссии вокруг осуществляемой ЕС миграционной политики, основанной на конструировании воображаемого мигранта как «варвара», «необразованного» субъекта. Приграничная политика Евросоюза укрепляет мнение, повторяемое социальными движениями и активистами, о том, что позабыв о правах человека, Европа выстраивает защитный иммиграционный режим и осуществляет программы, основанные на ранжировании правовых статусов, постколониализме, удаленном регулировании, приватизации и отборе мигрантов по их происхождению. Она же парадоксальным образом мобилизу-

ет людей в едином гражданском порыве, который противостоит ориенталистской политике ЕС. Возвращаясь к истории городов Сеута и Мелилья, следует отметить, что события 2005 г. породили не только репрессивные действия властей, но и движение в защиту угнетенных. Первый европейский протестный караван против ограждения между Испанией и Марокко «Нет забору смерти. Никто не нелегален» был проведен примерно через месяц после трагических происшествий у границы. Пятьсот человек из всех регионов Европы пришли к ограждению как к месту преступления, совершенного во имя европейской демократии.

Выражения признательности

Данная статья – результат работы в рамках проекта «Ойкумена: гражданство после ориентализма», финансируемого Европейским исследовательским советом в рамках 7 Европейской рамочной программы (FP7/2007–2013) / грантовое соглашение № 249379. Я хотел бы поблагодарить *IKERBASQUE* и Правительство Страны басков за финансовую поддержку в ходе стажировки в *Центре гражданства, идентичности и управления в Открытом университете*.

Список источников

- Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1951.
- Balibar E. *Nous, Citoyens d'Europe? Les frontières, l'État, le peuple*. Paris: Editions La Découverte, 2001.
- Balibar E. *Politics and the Other Scene*. London: Verso, 2002.
- Bigo D. Criminalization of Migrants: the Side Effect of the Will to Control the Frontiers and the Sovereign Illusion // B. Bogusz, R. Cholewinski, A. Cygan, E. Szyszczak (eds.) *Irregular Migration and Human Rights: Theoretical, European and International Perspectives*. Leiden: Martinus Nijhof, 2004: 90–127.
- Bigo D., Guild E. Policing at a Distance: Schengen Visa Policies // D. Bigo, E. Guild (eds.) *Controlling Frontiers: Free Movement Into and Within Europe*. London: Ashgate, 2005: 233–263.
- Bonelli L., Deltombe T., Bigo D. *Au nom du 11 septembre. Les démocraties à l'épreuve de l'antiterrorisme*. Paris: Editions La Découverte, 2009.
- CIVIPOL. *Feasibility Study on the Control of the European Union's Maritime Borders, Final Report Transmitted to DG JAI on 4 July 2003*. Paris: CIVIPOL, 2003.
- Davis M. A modo de conclusión... El gran muro del capital EE.UU. // *Frontera Sur. Nuevas políticas de gestión y externalización del control de la inmigración en Europa*. Barcelona: Virus, 2008: 251–259.
- De Genova N., Peutz N. *The Deportation Regime: Sovereignty, Space, and the Freedom of Movement*. Durham, NC: Duke University Press, 2010.
- De Giorgi A. *Tolerancia cero. Estrategias y prácticas de la sociedad de control*. Barcelona: Virus, 2005.
- Fallaci O. *The Rage and the Pride*. New York: Rizzoli, 2002.
- Faure A. The Abolition of Internal Border Checks in an Enlarged Schengen Area: Freedom of Movement or a Scattered Web of Security Checks? // *Challenge Research Paper 8*. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2008.

- Ferrajoli L. *Derecho y Razón. Teoría de las garantías penales*. Madrid: Trotta, 1995.
- Fukuyama F. Identity, Immigration, and Liberal Democracy // *Journal of Democracy*. 2006. 17(2): 5–20.
- Hammar T. *Democracy and the Nation State*. Avebury: Aldershot, 1991.
- Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1998.
- Huysmans J. *The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU*. London: Routledge, 2006.
- Inis E. F. *Being Political: Genealogies of Citizenship*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2002.
- Lentin A., Titley G. *The crisis of Multiculturalism: Racism in a Neoliberal Age*. London: Zed Books, 2011.
- López B. España, puerta europea del Magreb // *Al-Andalus Magreb: Estudios árabes e islámicos*. 1993. 1: 123–143.
- Morice A. L'Europe enterre le droit d'asile // *Le monde diplomatique*. 2004. 14–15 March.
- Morris L. *Managing migration: civic stratification and migrants' rights*. London: Routledge, 2002.
- Nyers P., Rygiel K. *Citizenship, Migrant Activism and the Politics of Movement*. New York/London: Routledge, 2012.
- Palidda S. *Racial Criminalization of Migrants in the 21st Century*. London: Ashgate, 2011.
- Parker O. Roma and the Politics of EU Citizenship in France: Everyday Security and Resistance // *Journal of Common Market Studies*. 2012. 50(3): 475–491.
- Rigo E. Citizenship at Europe's Borders: Some Reflections on the Post-Colonial Condition of Europe in the Context of EU Enlargement // *Citizenship Studies*. 2005. 9(1): 3–22.
- Said E. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. New York: Random House, 1978.
- Sarrazin T. *Deutschland schafft sich ab*. Munich: DVA, 2010.
- Sartori G. *Pluralismo, multiculturalismo e estranei: Saggio sulla società multi-etnica*. Milano: Rizzoli, 2000.
- Sartori G. El musulmán es el contra-ciudadano: Entrevista con Giovanni Sartori // *La Clave*. 2001: 27.
- Sartori G. *La sociedad multiétnica. Pluralismo, multiculturalismo, extranjeros e islámicos*. Madrid: Taurus, 2003.
- SOS Racismo. *Informe Frontera Sur // 1995–2006: 10 años de violación de los derechos humanos* (online). 2007 // <http://www.sosracisme.org/reflexions/pdfs/informefronterasur.pdf> (дата обращения: 7.12.2011).
- Soysal Y. *Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in the Europe*. Chicago: The Chicago University Press, 1994.
- Strategy Paper on Migration and Asylum Policy*. Brussels: European Commission, 1998.
- Todorov T. *The fear of Barbarians: Beyond the Clash of Civilizations*. Chicago: The University of Chicago Press, 2010.
- Wacquant L. Suitable Enemies: Foreigners and Immigrants in the Prisons of Europe // *Punishment and Society*. 1999. 1(2): 215–222.

Перевод: А. Кондаков

ORIENTALISING MIGRANTS IN THE EUROPEAN UNION

Iker Barbero

European Union has managed to build one of the most expensive and rigid migration systems in the world. There is, however, disagreement on the function and purposes of this system. Some argue that immigration is a menace to "Western values", especially so in the case of non-European Muslim migrants. Others would label these discourses as "neo-orientalist" given their tendency to refer to migrants as a savage, uncivilized "other". This article reflects on how citizenship, following the contemporary logic of orientalism, has become a set of guidelines, discourses, practices and policies for the governance of migration. Indeed, these are the very guidelines by which neo-liberal globalization disciplines the free movement of citizens and "westernised" foreign persons, deploying the technologies of citizenship and border control against a variety of different subjects who are regarded as eternal outsiders, or even aliens, due to their supposed high level of threat to society and their being uncivilized and very difficult to integrate. The regime of technical governance that is employed to discipline people who would wish to come to European Union or have managed to do so, shapes a number of categories of citizens. Some are full citizens, the others are part-citizens, and the rest are not citizens at all. These categories are unstable as people may move from one category to another when legal changes or economic crises can set new scenarios in motion. This categorization is based on unregulated legal status and difference (religion, race, accent or occupation) that become important elements of identification of "true" citizens as distinct from the "Oriental" ones. The ultimate purpose of this article is to examine the following: if we are to arrive at a model of citizenship beyond orientalism, is there a need to abandon the current policy orientations? This discourse of citizenship has already produced its practices of resistance, where new citizen subjects are born to claim redefinition of repressive migration policy mechanisms.

Keywords: citizenship; borders; migrations; orientalism; European Union

References

- Arendt H. (1951) *The Origins of Totalitarianism*, New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Balibar E. (2001) *Nous, Citoyens d'Europe? Les frontières, l'État, le peuple*, Paris: éditions La Découverte.
- Balibar E. (2002) *Politics and the Other Scene*, London: Verso.
- Bigo D. (2004) Criminalization of Migrants: the Side Effect of the Will to Control the Frontiers and the Sovereign Illusion. B. Bogusz, R. Cholewinski, A. Cygan and E. Szyszcak (eds.) *Irregular Migration and Human Rights: Theoretical, European and International Perspectives*, Leiden: Martinus Nijhof: 90–127.
- Bigo D., Guild E. (2005) Policing at a Distance: Schengen Visa Policies. D. Bigo, E. Guild (eds.) *Controlling Frontiers: Free Movement Into and Within Europe*, London: Ashgate: 233–263.
- Bonelli L., Deltombe T. and Bigo D. (2009) *Au nom du 11 septembre. Les démocraties à l'épreuve de l'antiterrorisme*, Paris: Editions La Découverte.

- CIVIPOL (2003) *Feasibility Study on the Control of the European Union's Maritime Borders, Final Report Transmitted to DG JAI on 4 July 2003*, Paris: CIVIPOL.
- Davis M. (2008) A modo de conclusión... El gran muro del capital EE.UU. *Frontera Sur. Nuevas políticas de gestión y externalización del control de la inmigración en Europa*, Barcelona: Virus: 251–259.
- De Genova N., Peutz N. (2010) *The Deportation Regime: Sovereignty, Space, and the Freedom of Movement*, Durham, NC: Duke University Press.
- De Giorgi A. (2005) *Tolerancia cero. Estrategias y prácticas de la sociedad de control*, Barcelona: Virus.
- Fallaci O. (2002) *The Rage and the Pride*, New York: Rizzoli.
- Faure A. (2008) The Abolition of Internal Border Checks in an Enlarged Schengen Area: Freedom of Movement or a Scattered Web of Security Checks? *Challenge Research Paper 8*, Brussels: Centre for European Policy Studies.
- Ferrajoli L. (1995) *Derecho y Razón. Teoría de las garantías penales*, Madrid: Trotta.
- Fukuyama F. (2006) Identity, Immigration, and Liberal Democracy. *Journal of Democracy*, 17(2): 5–20.
- Hammar T. (1991) *Democracy and the Nation State*, Avebury: Aldershot.
- Huntington S. (1998) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York: Simon & Schuster.
- Huysmans J. (2006) *The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU*, London: Routledge.
- Inis E. F. (2002) *Being Political: Genealogies of Citizenship*, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Lentin A. and Tittle G. (2011) *The Crisis of Multiculturalism: Racism in a Neoliberal Age*, London: Zed Books.
- López B. (1993) España, puerta europea del Magreb. *Al-Andalus Magreb: Estudios árabes e islámicos*, 1: 123–143.
- Morice A. (2004) L'Europe enterre le droit d'asile. *Le monde diplomatique*, 14–15 March.
- Morris L. (2002) *Managing Migration: civic stratification and migrants' rights*, London: Routledge.
- Nyers P. and Rygiel K. (2012) *Citizenship, Migrant Activism and the Politics of Movement*, New York/London: Routledge.
- Palidda S. (2011) *Racial Criminalization of Migrants in the 21st Century*, London: Ashgate.
- Parker O. (2012) Roma and the Politics of EU Citizenship in France: Everyday Security and Resistance. *Journal of Common Market Studies*, 50(3): 475–491.
- Rigo E. (2005) Citizenship at Europe's Borders: Some Reflections on the Post-Colonial Condition of Europe in the Context of EU Enlargement. *Citizenship Studies*, 9(1): 3–22.
- Said E. (1978) *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*, New York: Random House.
- Sarrazin T. (2010) *Deutschland schafft sich ab*, Munich: DVA.
- Sartori G. (2000) *Pluralismo, multiculturalismo e estranei: Saggio sulla società multiétnica*, Milano: Rizzoli.
- Sartori G. (2001) El musulmán es el contra-ciudadano: Entrevista con Giovanni Sartori. *La Clave*, 27.
- Sartori G. (2003) *La sociedad multiétnica. Pluralismo, multiculturalismo, extranjeros e islámicos*, Madrid: Taurus.
- SOS Racismo. (2007) *Informe Frontera Sur. 1995–2006: 10 años de violación de los derechos humanos* (online). Available at: <http://www.sosracisme.org/reflexions/pdfs/informefrontera-sur.pdf> (accessed: 7 December 2011).
- Soysal Y. (1994) *Limits of Citizenship: Migrants and Post-National Membership in the Europe*, Chicago: The Chicago University Press.
- Strategy Paper on Migration and Asylum Policy* (1998) Brussels: European Commission.
- Todorov T. (2010) *The Fear of Barbarians: Beyond the Clash of Civilizations*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Wacquant L. (1999) Suitable Enemies: Foreigners and Immigrants in the Prisons of Europe. *Punishment and Society*, 1(2): 215–222.